

НЕКТО РОЗИНЕР

Тропой альпийской в снег и мрак
Шел юноша, державший стяг.
И стяг в ночи сиял, как днем,
И странный был девиз на нем:
Excelsior!

Горели в окнах огоньки,
К уюту звали очаги,
Но льды под небом видел он,
И вновь звучало, словно стон:
Excelsior!

И труп, навеки вмерзший в лед,
Нашла собака через год.
Рука сжимала стяг, застыв,
И тот же был на нем призыв:
Excelsior!

Меж ледяных бездушных скал
Прекрасный, мертвый он лежал,
А с неба, в мир камней и льда
Неслось, как падает звезда:
Excelsior!

Генри Лонгфелло¹

Скажите честно, уважаемый читатель, скажите сразу, навскидку – вам говорит что-нибудь фамилия Розинер? А если с именем – Феликс Розинер? Я невзначай задал эти вопросы нескольким десяткам моих друзей и знакомых – людей образованных и читающих, среди которых даже были люди с литературно-филологическим образованием. Большинство их них не знали, кто такой Феликс Яковлевич Розинер.

Как получилось, что мы едва ли не проглядели этого нашего замечательного современника, диссидента-шестидесятника, поэта, прозаика, эссеиста, барда, автора стихов, рассказов, пьес, повестей и романов, удостоенных престижных литературных премий в Париже, Иерусалиме и Санкт-Петербурге? Наконец, почему интеллигенция, столь чувствительная к преступлениям тоталитарных режимов, так вяло среагировала на один из лучших антитоталитарных романов мировой литературы второй половины XX века? Почему этот выдающийся роман, подпольно написанный Феликсом Розинером в Москве в глухие времена брежневской коммунистической диктатуры и переведенный впоследствии на французский, английский, иврит и другие языки, вообще мало кому известен? Почему его автор, номинированный на Нобелевскую премию, что не так уж часто случалось в русской литературе, даже не был упомянут ни в российском «Большом энциклопедическом словаре» 1999-го года, ни в энциклопедическом словаре «Русская литература» 2001-го года, ни в «Новом

¹ Отрывок из знаменитого стихотворения «Excelsior» в переводе В.В. Левика.

энциклопедическом словаре» 2007-го года? Почему в самом популярном в России книжном интернет-магазине www.ozon.ru про этот роман века скучно сказано – «Букинистическое издание [sic!] – Нет в продаже»!?

Неудержимое желание написать хотя бы краткий очерк о Феликсе Розинере и его замечательном романе возникло у меня, когда мне показалось, что я нашел ответы на эти вопросы. Но найти не значит смириться, ибо невыносимо печальными остаются как сами вопросы, так и ответы на них. Как ужасен факт скоропалительного забвения творческого достижения столь огромного масштаба, равно как и факт забвения творческого подвига нашего современника даже не через поколение, а сразу, немедленно, тут же... «не приходя в сознание». Как отвратительны плохо прикрытые фиговыми листками пресловутых «духовных скреп» попытки искусственного отторжения выдающегося писателя от русской литературы.

Один из персонажей романа Феликса Розинера говорит: *«Прекрасно в искусстве все, на чем нет мертвой заботы запечатлеть себя... Прекрасно в искусстве все, что не осознано себя... Прекрасно в искусстве все, что не ищет огласки.»* Допускаю, что Феликс Яковлевич, подобно главному герою своего романа, так и думал, а вернее – именно так ощущал тайную связь между творцом и творением, но мы – те, кому, в конце концов, досталось творение, не имеем права забывать творца...

Через все перипетии эмигрантской жизни с ее многочисленными переездами и нелитературными заботами пронес я незаметный томик этой книги, за чтение и даже хранение которой в Советском Союзе начала 80-х годов, как говорится, сажали.

**Обложка первого издания романа
«Некто Финкельмайер».
Overseas Publications Interchange Ltd.,
London, 1981.**

Не помню имени той женщины, которая принесла нам на квартиру в Ленинграде и оставила почитать стопку запрещенных книг – стихи Мандельштама и Цветаевой, «Реквием» Ахматовой, «Раковый корпус» и «Архипелаг Гулаг» Солженицына, «Доктор Живаго» Пастернака, «Некто Финкельмайер» Розинера, еще что-то... Шел 1982 год, советский режим впадал в старческий маразм в прямом и переносном смысле, но отнюдь не собирался разжимать бульдожьей челюсти – где-то через полгода ту женщину-диссидентку арестовали за «распространение антисоветской литературы». Об этом нам сообщил ее муж: «Идет следствие, в изъятой записной книжке жены есть ваш телефон – срочно избавьтесь от книг». Пришлось переслать «крамольную» литературу в надежное место, но томик «Некто Финкельмайер» остался, затерявшись в огромной домашней библиотеке – уж очень неприметным и безобидным казался он на фоне многотомных изданий русской и мировой классики. На самом же деле только, может быть, «Архипелаг Гулаг» превосходил по «антисоветской зловредности» роман Феликса Розинера.

Роман был окончен в 1975 году, во времена самого что ни на есть ядовитого цветения брежневско-сусловского партийного руководства. Ни малейших надежд на его публикацию в СССР, конечно, не было, и вопрос заключался лишь в том как переслать рукопись за границу и тем самым сохранить ее для потомков. Складывалась ситуация, подобная той, в которую попал Василий Гроссман со своим романом «Жизнь и судьба» за десять с лишним лет до того, с тем лишь отличием, что у Гроссмана была хотя и наивная, но крошечная надежда на публикацию романа на родине во времена хрущевской оттепели, а у Розинера уже не было никаких иллюзий или надежд. Известный филолог и публицист Азарий Мессерер, близко знавший Феликса Розинера еще по Москве, рассказывает любопытную историю спасения романа:

«Феликс, инженер по образованию и человек незаурядно изобретательный, придумал хитрый план контрабандной пересылки своего первого романа на Запад. Он переснял весь роман и, как ему показалось, ловко запрятал кассеты с пленкой в багаже четырнадцатилетнего сына, когда тот в 1977 году улетал в Израиль с первой женой Феликса. Увы, бдительных советских таможенников провести не удалось – кассеты были конфискованы. Феликс расстроился, но ненадолго – он умел с юмором воспринимать неприятные события. А для разрядки от стресса сочинил песню о том, как его роман попал в лапы КГБ, с едко ироничным припевом: “Хоть какой-никакой, есть теперь у романа читатель!” Со временем ему все же удалось переправить “Финкельмайера” на Запад с моей помощью и с помощью американских корреспондентов, с которыми я познакомился, сидя в отказе.»

Пересказывать содержание романа «Некто Финкельмайер» – дело пустое, бессмысленное. Роман этот не терпит банальности, он чурается простоты – той, которая хуже воровства, он сам по себе вызов тривиальности и «общепринятости» как по содержанию, так и по форме. Слова, наши обыденные слова, бессильны передать блеск словесной вязи романа Феликса Розинера, которому, подобно его герою в поэзии, удалось в прозе *«придать словам зыбкость, лишить их фиксированных значений, придать словам текучесть, а тексту подвижность»*. Таинственное библейское изречение «В начале было Слово...» напрямую относится к роману Розинера, ибо оно, розинерское Слово с большой буквы, с его темпом, динамикой, паузами и даже пропусками задает и ведет сюжет, формирует множественные импровизации и образы романа. Не угнаться нам за этим словом на пределе возможного...

И тем не менее, рискну высказать несколько мыслей о том, что поразило меня лично в романе едва ли не с первых страниц, поделиться впечатлениями чисто читательскими, без всяких претензий на литературоведческий анализ...

ААРОН-ХАИМ ФИНКЕЛЬМАЙЕР

Роман «Некто Финкельмайер» производил на первых читателей ошеломляющее впечатление. Поэт и прозаик Лариса Миллер рассказывает:

«Я и мой муж были одни из первых, кому Феликс дал почитать рукопись – толстенную папку машинописных страниц. Это же всегда проблема, когда друзья делятся своим творчеством – а вдруг не понравится. И хорошо помню ту радость, которую мы испытали, прочитав самое начало. Я сразу же бросилась звонить Феликсу (к автомату, тогда, в 1975 году, у нас еще не было телефона), чтобы высказать свое восхищение. А потом я целый год возила эту рукопись по друзьям и знакомым...»

Вспоминаю, что при первом чтении романа «Некто Финкельмайер» меня особенно поразила его необычная по тем временам, стержневая тема: столкновение с реальной жизнью и страдания гениального поэта, вынужденного сочинять и публиковать свои произведения от имени другого человека.

Феномен творчества под чужим именем, вообще говоря, хорошо известен во всем мире. До сих пор некоторые литературоведы предполагают, что автор великих шекспировских драм и сонетов по каким-то причинам скрыл свое подлинное имя и приписал эти шедевры другому человеку. Абсолютно достоверных примеров из близких нам времен очень много. Румынский писатель Михаил Себастиан (Иосиф Гехтер), автор известной пьесы «Безымянная звезда», в годы Второй мировой войны издавал свои произведения под румынскими именами, т.к. евреям было запрещено публиковаться в фашистской Румынии. Вспоминаю также, что французский композитор Жозеф Косма́, автор популярной мелодии «Опавшие листья», в годы оккупации Франции нацистами публиковал музыкальные сочинения через подставных лиц, чтобы не раскрыть свое еврейское происхождение. В Советском Союзе широко практиковалось подобного рода творчество, равно как и использование наемных анонимных авторов для написания «гениальных произведений» партийных вождей – тоталитаризм, партийно-государственная диктатура несомненно провоцируют и стимулируют разнообразные формы лжеавторства.

Феликс Розинер, по-видимому, впервые в русской литературе, доводит сюжет лжеавторства до чудовищного гротеска. В соответствии с партийными планами «строительства национальных культур», всем народам Советского Союза, в том числе не имеющим своей письменности малым народам Севера, предписано иметь национальных писателей и поэтов. Аарону-Хаиму Финкельмайеру, уже отличившемуся в качестве казенного поэта под псевдонимом А. Ефимов в армейской газете, предлагают писать стихи от имени тонгорского охотника Данилы Манакина под псевдонимом Айон Неприген. Аарон соглашается участвовать в мистификации в надежде подзаработать и заодно опубликовать свои стихи, у которых в противном случае нет решительно никаких шансов быть напечатанными. Сюжет этот масштабно развивается в совершенно гротескном варианте, напоминающем романы Франца Кафки, – реалистично вырисованные и хорошо узнаваемые детали советской жизни непринужденно вписываются в совершенно абсурдную в целом ситуацию. Малограмотный пьяница Манакин, благодаря невероятному успеху поэзии Финкельмайера, становится крупным чиновником в области управления культурой, известным поэтом, членом Союза советских писателей. Поверив в свою полную безнаказанность и правоту, он, в конце концов, присваивает себе произведения Финкельмайера, который, в свою очередь, даже и не собирается отстаивать авторство – *«прекрасно в искусстве все, что не ищет оласки»*. Эта стержневая линия романа завершается вполне кафкианской жуткой развязкой с блестяще прорисованными житейскими деталями на общем фоне огромного абсурдистского концлагеря где-то на далеком Севере.

Обозначив главным героем романа Аарона Финкельмайера, автор с первой же страницы вводит в повествование другую не менее важную фигуру – Леонида Никольского. Русский интеллигент, профессионал, умница, аристократ по духу, яркая личность с взрывным темпераментом, Никольский является двигателем сюжета, в котором Финкельмайер – центральный субъект рассмотрения. Никольский талантлив во всем, кроме своей собственной жизни. В замечательном размышлении о счастливых и несчастных людях в самом начале второй части романа, Никольский признается, что *«никогда не умел... подумать о себе, что счастлив»*. Более того, он уверен, *«что окружающая его жизнь паскудно устроена – потому, помимо прочего, паскудно, что в ней просто-напросто не может выпасть тот единственный, нужный ему шанс, так как в этой сволочной жизни подобного шанса вовсе не существует...»* Внезапно Никольский увидел такой «единственный, нужный ему шанс» во встрече с поэзией Финкельмайера, и теперь их судьбы неразделимы. Поначалу представляется, что между Никольским и Финкельмайером неизбежен конфликт – конфликт двух самодостаточных личностей с противоположными темпераментами, тем более, что они влюблены в одну женщину, обаятельную ссыльную литовку Дануту (еще один колоритный образ в галерее выразительных и запоминающихся женских образов романа). Конфликта, однако, не происходит, а взаимное притяжение главных героев романа, напротив, усиливается. Это – притяжение двух частиц с противоположными зарядами, это – притяжение гения и таланта. Писатель Дмитрий Быков, сравнивая поэзию Булата Окуджавы и Александра Галича, как-то высказал мысль о том, что нет ничего более противоположного, чем гений и талант. Это на первый взгляд парадоксальное заключение, по-видимому, имеет право на обсуждение. Действительно, гению противостоит не бездарность, которую он просто не замечает, ему противостоит талант, к которому гения, круглого сироту в этом мире, притягивает творческий заряд противоположного знака. С другой стороны, в мощном поле гения талант испытывает искушение приблизиться к своему наивысшему воплощению. Такие мысли приходят на ум при сопоставлении образов Никольского и Финкельмайера.

История судеб и взаимного притяжения Никольского и Финкельмайера вписана автором в обширную картину жизни кружка московских интеллигентов начала 1960-х годов. Время действия романа обозначено довольно четко: конец хрущевской оттепели, время демократических устремлений и надежд советской интеллигенции, получивших название движения «шестидесятников». Эти надежды были окончательно утрачены после знаменитого посещения Никитой Хрущевым выставки художников в декабре 1962 года. Лидер страны охаял работы художников-авангардистов словами «дерьмо», «говно», «мазня», а затем, сорвавшись на крик, приказал:

«Я вам говорю как Председатель Совета Министров: все это не нужно советскому народу. Понимаете, это я вам говорю! ... Запретить! Все запретить! Прекратить это безобразие! Я приказываю! Я говорю! И проследить за всем! И на радио, и на телевидении, и в печати всех поклонников этого выкорчевать!»

Герои романа «Некто Финкельмайер» пытались спасти «это безобразие» – работы непризнанных властью художников, и они, естественно, попали под предписанное партийным вождем «выкорчевывание». Автор отнюдь не фокусирует внимание на противостоянии интеллигенции режиму, его герои едва ли не насильственно втягиваются в это противостояние карательными органами самого режима, которым приказано заниматься «выкорчевыванием». В романе абсолютно отсутствует прямая политическая борьба московских интеллигентов с режимом, которую, возможно, ожидают от шестидесятников современные читатели. Их встречи

напоминают скорее некие богемные собрания наподобие вечеров петербургской творческой элиты начала XX века в Башне Вячеслава Ив́анова. Описанное в романе Прибежище – это оскверненная советской действительностью, искаженная до гротеска Башня, где роль лидера, вместо блистательного поэта-символиста Вячеслава Ив́анова, выполняет не менее блистательный лектор-эрудит Леопольд Михайлович, бывший официант ресторана «Националь». Феликс Розинер очень точно и выразительно описал постепенную эволюцию этих собраний и ту внутреннюю нравственную пружину, которая толкала людей участвовать в них:

«...забавы Прибежища становились от раза к разу серьезнее... в них появилось общее направление, и уж не развлекать, не развлекаться и “кадриться” шли сюда, а шли уже, – не осознавая того разумом, а как будто одним слухом ушей своих и видением глаз, да еще самым свободным дыханием в свежем воздухе – шли возвыситься, очиститься от скверны, которую слышали, наблюдали и частью которой были сами.»

Культуролог Марина Хазанова пишет о романе Феликса Розинера – *«Книга его не была радостной но была теплой, доброй, умной.»* – и добавляет – *«Я сказала Феликсу об этом и о том, что книг о шестидесятых здесь, в эмиграции, достаточно, но они, в основном, о ссорящихся между собой диссидентах, ненависти к власти и о собственном величии. А вот добрых книг почти нет».* Марина вспоминает, что Феликсу очень понравилась такая оценка, и он сказал: *«Такого мне еще никто не говорил».*

Как свидетель протестного движения в СССР 1960–70-х годов, могу добавить: в этом движении были и ненависть к власти, пытавшейся снова загнать народ в «реформированное» подобие сталинского концлагеря, и резкая полемика, и подпольное распространение так называемой «антисоветской литературы», которая была, на самом деле, просто нормальной хорошей литературой, и воистину героические публичные протесты против преступлений режима, и еще многое, без чего не бывает диссидентских движений в тоталитарном обществе. Однако Феликс Розинер тонко уловил главный мотив самой обширной, гуманистической составляющей этого движения – *«очиститься от скверны, которую слышали, наблюдали и частью которой были сами».* Да, это именно так и было – мы собирались в компаниях единомышленников, чтобы очиститься от скверны тошнотворных политзанятий и митингов, «ценных» указаний парткомов и райкомов, от скверны тупой пропаганды в средствах массовой дезинформации и примитивного печатного советского агитпропа. Мы собирались, подобно героям романа Розинера, чтобы подышать свежим воздухом фантома свободы.

Ощущения российской интеллигенции времен конца 60-х и начала 70-х годов, обманутой миражем свободы и увидевшей явные признаки возвращения сталинщины, хорошо передает дневниковая запись Юрия Нагибина, сделанная в 1969-м:

«...никак не могу настроить себя на волну крошечной государственной лжи. Я близок к умопомешательству от газетной вони, и почти плачу, случайно услышав радио или наткнувшись на гадкую рожу телеобозревателя... Стоит хоть на день выйти из суеты работы и задуматься, как охватывают ужас и отчаяние. Странно, но в глубине души я всегда был уверен, что мы обязательно вернёмся к этой блевотине. Даже в самые обнадёживающие времена я знал, что это мираж, обман, заблуждение, и мы с рыданием припадём к гниющему трупу. Какая тоска, какая скука! И как все охотно стремятся к прежнему отупению, низости, немоте. Лишь очень немногие были душевно готовы к достойной жизни, жизни разума и сердца; у большинства не было на это сил... Люди пугались даже призрака свободы, её слабой тени. Сейчас им возвращена привычная милая ложь, вновь снят запрет с подлости, предательства...»

В Прибежище Феликса Розинера собирались люди, стремившиеся очиститься от скверны советского мракобесия, пытавшиеся духовно противостоять «отупению, низости, немоте». Писатель создал образы людей, «душевно готовых к достойной жизни, жизни разума и сердца».

В их добрых и умных устремлениях, в которых, казалось бы, не было никакой угрозы всемогущему государству, содержался, на самом деле, скрытый диссидентский заряд, подорвавший, в конце концов, режим тоталитарного насилия.

Эту скрытую, едва различимую на первых порах угрозу несомненно предвидели власть имущие – отсюда та упорная охота за, казалось бы, совершенно безобидной группой интеллектуалов Прибежища, закончившаяся, как и следовало ожидать, арестом самого безобидного из всех безобидных – Аарона-Хаима Финкельмайера. Арест Финкельмайера и суд над ним, начиная с публикации грязного доноса в газете и кончая жестоким избиением сразу же после вынесения приговора, – всего более 60 страниц текста, – композиционная и художественная вершина романа Феликса Розинера.

Писатель несомненно был знаком с материалами судебных процессов над поэтом Бродским и писателями Синявским и Даниэлем, проходивших в Ленинграде и Москве в 1964-65 годах. Особенно сильное влияние на описание суда над Финкельмайером, вероятно, оказали записи судебных слушаний по делу Иосифа Бродского, опубликованные в Самиздате Фридой Вигдоровой под названием «Судилище». Здесь можно найти немало фактических совпадений, которые автор, судя по всему, намеренно подчеркивает, – начиная с таких деталей как публикация клеветнической статьи перед арестом² и обвинение в туеядстве, и кончая буквальным совпадением некоторых словесных формулировок подлинного процесса и вымышленного Розинером судилища. Если я не ошибаюсь, Феликс Розинер впервые в русской литературе советских времен дал столь обширное художественное описание подобного судилища над совершенно незащитной творческой личностью. Противостояние поэта и чудовищного, отлаженного до последнего винтика механизма государственного беззакония, торжество мракобесия, основанного на лжи и грубом насилии, – все это показано в романе с убедительностью и художественной мощью, превосходящими любые исторические, документальные свидетельства. Вспоминаю, какое огромное впечатление произвели на меня в свое время эти 60 страниц романа – словно сама скверна, частью которой, увы, мы сами были, безобразно выползла наружу...

При повторном чтении романа Феликса Розинера в более поздние времена меня не оставляли ассоциации с «Процессом» Франца Кафки и даже со знаменитыми антиутопиями XX века – «Мы» Евгения Замятина и «1984» Джорджа Оруэлла. Доведенный до гротеска абсурд, нелепые обвинения или даже их отсутствие, предопределенность приговора и наказания, страх перед идолом государства – госстрах, бесовское торжество тупого насилия над личностью... Недавно писатель Дмитрий Быков, комментируя новый телесериал «Бесы» по мотивам романа Федора Достоевского, высказал мысль, что истинными бесами в российской истории были не революционеры, а власти предержащие. Бесовщина сталинщины не исчезла, бесы власти, *«вышедши из человека»*, увы, не *«вошли в свиней»*, как рассказывает Евангелие от Луки, а скорее, *«вышедши из свиней, вошли в человека»* и метят преступлениями последующую историю... Безобразные гримасы бесов власти видятся мне в суде над поэтом, описанном в романе Феликса Розинера. Может быть эти ассоциации неправомерны? Не знаю... Ведь то, о чем написал Феликс Розинер, – не плод обращенной в будущее фантазии, а подлинные реалии нашей жизни, ведь это было, было... и, страшно сказать, это есть – бесчеловечное и жестокое...

² Статья «Окололитературный трутень» была опубликована в газете «Вечерний Ленинград» 29 ноября 1963, а 13 января 1964 Бродский был арестован; в романе Финкельмайер арестован в день опубликования статьи «Некто Финкельмайер – «поэт».

Больной, голодный, измученный следствием, Финкельмайер словно в бреду, едва не теряя сознание, отстраненно участвует в процессе над самим собой, пытается время от времени говорить правду словами простыми, понятными окружающим... После оглашения приговора он впадает в транс, расплывчато видит сквозь туман уходящего сознания своих близких, слышит их молитвы и мольбы..., и сквозь всю эту мешанину лиц и звуков нисходят к нему чудные поэтические строки... Как он далек от этого мира!..., но конвойный скоро возвращает его к действительности:

«Старшина исступленно бил по рукам, – Арон, дико вскрикивая, хватался за дверцы, но старшина размахнулся, – ну, т-твою мать! – и сильно ударил под дых. Арон рухнул на пол.»

Советское «правосудие» свершилось. Фемида с завязанными глазами не заметила, как перекошились ее весы...

И еще одно: как это все, простите за публицистический штамп, актуально! – темы и образы совершенных произведений литературы не устаревают, они, увы, бессмертны...

Еврейская тема звучит в романе мягко, приглушенно, чаще – отдаленно, лишь в редких случаях выдвигаясь на передний план и никогда не доминируя в его сюжетных коллизиях. Розинер отнюдь не педалирует эту тему, а, скорее, подает ее незначительной составляющей противостояния интеллигенции и власти, как некую своеобразную советскую приправу к этому противостоянию. В компании русских интеллигентов, к которой примыкает Финкельмайер, вообще не интересуются национальностью своих единомышленников – здесь всё понимают, но как бы считают ниже своего достоинства реагировать на исходящие от режима антисемитские благоглупости.

Именно к такому заключению, по-видимому, придет современный читатель романа «Некто Финкельмайер». Однако те, кому довелось прочитать роман при Советской власти в Самиздате или Тамиздате, те, кому пришлось тайно листать эти страницы, приглушив настольную лампу, задвинув занавески на окне и заперев двери, те воспринимали это отнюдь не так просто и не столь ламинарно. Уже само имя главного героя романа – Аарон-Хаим Менделевич Финкельмайер – было в те годы дерзким вызовом гнусной системе советского государственного антисемитизма, о котором все знали, что он есть, но обязаны были делать вид, что его нет. Образ гениального русского поэта с таким длинным еврейским именем – это было подобно террористическому акту в чинной гостиной советского социалистического реализма с его лицемерной «дружбой народов», это было подобно матерному ругательству в добропорядочном обществе...

Да, да – не удивляйтесь, юные читатели из XXI века, это было именно матерным ругательством. Писатель Юрий Нагибин, вспоминая те времена, говорил, что слово «жид» стало таким же заветным, как и другое трехбуквенное *«самое любимое слово русского народа»*: *«Два заветных трехбуквенных слова да боевой клич – родимое «... твою мать» – объединяют разбросанное по огромному пространству население...»* Поэт Иосиф Бродский, живший в СССР во времена Феликса Розинера, еще более определенно утверждал (цитирую по очерку Юрия Солодкина – Ю.О.): *«В печатном русском языке слово "еврей" встречалось так же редко, как "пресуществление" или "агорафобия". Вообще, по своему статусу оно близко к матерному слову или названию венерической болезни»*. Собственно говоря, бывшие советские люди старшего поколения хорошо помнят – все избегали произносить слово «еврей». Это слово в частных разговорах подчас заменяли на «француз»: «Он из французов?» – спрашивали о человеке с еврейской внешностью, и все всё понимали.

Феликс Розинер, насколько я помню, первым нарушил эту языковую традицию, присвоив своему главному герою имя, отчество и фамилию, имевшие в советской языковой практике, по словам Иосифа Бродского, статус, близкий к матерно-венерическому. Даже Василий Гроссман, впервые в советской литературе мощно поднявший тему совгосантисемитизма, не решился на подобное – он назвал одного из главных героев романа «Жизнь и судьба», гениального физика еврейского происхождения, достаточно нейтрально – Виктор Павлович Штрум. Феликс Розинер решился! Он писал в стиле кафкианского абсурдизма, и он решился...

Писательница Людмила Штерн в очерке о еврействе Иосифа Бродского заметила: *«Только евреи знают, как “неуютно” было быть евреем в Советском Союзе»*. Неуютность эту герой Феликса Розинера познал сполна – со сталинских времен в коммунальном доме-сарая на окраине Москвы до времен брежневских в сибирском ссыльном лагере. Неуютность эта не раз оборачивалась тяжелыми ударами, которые, однако, Финкельмайер задним числом излагает с мягким юмором – для него советский госантисемитизм есть нечто вроде своеобразного природного явления, подобного промозглой дождливой погоде, явления, которое следует воспринимать как неизбежную данность, а не злой людской умысел. Директор школы, милейший Сидор Николаевич, лишает его Золотой медали по причине указания из Района, что мол, *«три золотых у Штерна, Певзнера и этого... как там?... Финкельмайера...»*, и *«мы столько пропустить не можем, одного снимаем.»* Затем Финкельмайера не принимают в МВТУ, поставив ему тройку за незаурядное сочинение по «Евгению Онегину», которого он знал наизусть от первой до последней строчки. Какие известные до боли ситуации, какой «знакомый до слез» выверенный событийный ряд!

Служба Финкельмайера в советской армии, с многочисленными приключениями из-за его *«еврейской рожки»*, описана в романе с сатирическим блеском на уровне «Приключений бравого солдата Швейка» или «Жизни и необыкновенных приключений солдата Ивана Чонкина». Приключения солдата Аарона-Хаима Финкельмайера, прославившегося сочинением военного марша «Знамя полковое» и популярных броских, ловко рифмованных лозунгов для солдатских сортиров, завершаются блестящей сатирической сценой в издательстве военной литературы! Сотрудников издательства предупредили, что «А. Ефимов» – псевдоним автора, но это ничуть не уменьшило *«силу удара, который испытали редакторы, увидев»* его самого:

«Они согласились бы, чтобы у автора оказалась любая невозможнейшая внешность – хоть одноглазого пирата с кинжалом за поясом, хоть бармалея или старца в чалме, но такого длинноносого верзилу – еврея... Пусть бы за псевдонимом А.Ефимов стоял тысяча первый Иванов; пусть какой-нибудь неблагозвучный Говнюков; пусть бывший граф Толстой или пусть советским военным поэтом стал последний из князей Болдыревых; но военный поэт – Шапиро? Эпштейн? Рубинштейн?!...

– Как у вас настоящая фамилия будет?...

– Рядовой Финкельмайер, товарищ майор!

Наступившая тишина была столь длительной, что девочка-секретарша, соскучившись, начала редко-редко стучать по клавишам машинки.»

Когда роман «Некто Финкельмайер» был наконец опубликован, в официальной гостинной советской литературы наступила очень длительная тишина, прерываемая отнюдь не постукиванием девочки-секретарши по клавишам машинки, а зубовым скрежетом тех, кто когда-то мог одним мановением мизинца отлучить от литературы и задвинуть в темный угол забвения всех этих финкельмайеров...

Я привык с некоторой опаской ждать финала произведения, которое мне поначалу понравилось. Многие неплохие романы начинаются с великолепной завязки, быстро набирают

драматические обороты, но затем... теряют темп, обрывают мелодию и завершаются невыразительным, скучным финалом, оставляющим читателя в недоумении – а зачем это вообще надо было читать... Роман «Некто Финкельмайер» развивается по нарастающей, держит читателя в напряжении до последней страницы, ни на йоту не теряет набранной высоты. Читатель нетерпеливо ждет развязки, едва сдерживаясь, чтобы не заглянуть в конец, он понимает – так просто, тихо и мирно эта история завершиться не может. И действительно, в сюжете наступает крещендо – страшная, нелепая, но вполне предопределенная гибель главных героев. Поэт умирает от мстительного выстрела Охотника, вознесенного Поэтом на вершину чиновничьей карьеры и литературной славы. Убитый Поэт тонет в далекой сибирской реке накануне своего освобождения, и его мечта о возрождении и маленьком кусочке счастья с любимой женщиной тонет вместе с ним в мерзлой воде – нет Поэту места в этом мире зла, и никогда не удастся ему вписаться в эту бесчеловечную систему, как бы он ни старался подладиться под нее. Пьяный в хлам, счастливый Охотник замерзает под вой сибирской пурги, превращается в снежный холм вместе со своими мечтами о возвращении в естественное состояние простого охотника за пушниной. Вознесенный поначалу на партийно-литературный Олимп, а затем грубо сброшенный с него, он «отомстил» Поэту, но и ему, Охотнику, нет места в этом мире, и ему тоже не удалось вписаться в эту чудовищную систему, несмотря на все старания подладиться под нее...

Вслед за крещендо финала следует раздумчивый и неспешный эпилог со своим мощным пророческим завершением: постаревший интеллектуал и тонкий знаток поэзии Леонид Никольский *«в подвале стоит в длинной очереди за водкой; а высоко на восьмом этаже в его комнате»* сын погибшего в советской ссылке Аарона-Хаима Финкельмайера читает неопубликованные стихи своего гениального отца. Юный Финкельмайер твердо решил уехать в Америку – *«Я... здесь жить не буду... Я не привык, понимаете? И знаю, что не привыкну. Тем более, теперь ведь все равно нет никого – ни матери и ни отца...»*

Таков финал этого произведения – романа о жизни и судьбе интеллигенции в тоталитарном обществе...

ФЕЛИКС РОЗИНЕР

В посвящении к первому изданию романа «Некто Финкельмайер» 1981-го года автор писал:

«Говорят, что, создав своего героя, автор поневоле повторяет выдуманную им судьбу. Так ли это или нет, но однажды будто кто-то подтолкнул меня: я сделал шаг, за которым стояла эта судьба. До сих пор не знаю, что спасло меня тогда. Но я знаю тех – и их много, близких моих друзей, и друзей мне мало знакомых, – кто спасали роман от почти неминуемой гибели.»

История спасения романа известна, а автора, смеем предположить, спасла от непредсказуемых репрессий эмиграция в 1978 году в Израиль еще до публикации романа на Западе. Тем не менее, Феликс Розинер, как это видно из посвящения, несомненно ощущал бремя судьбы выдуманного им Аарона Финкельмайера – в этом мире личности столь мощного, «обременительного» таланта редко награждаются безоблачным благополучием. Феликс Розинер прожил в Израиле до 1985 года, затем переехал в Бостон, США, где скончался в 1997 году в возрасте 60 лет.

Мне удалось поговорить о писателе с людьми, близко знавшими его по Москве, Тель-Авиву и Бостону. Их бесценные воспоминания создают портрет этого выдающегося человека, а некоторые штрихи к портрету писателя имеют прямое отношение к теме данного очерка.

Азарий Мессерер описывает Феликса Розинера как универсальную творческую личность наподобие титанов эпохи Возрождения:

«С Феликсом мы дружили в течение многих лет. Это был человек самых разнообразных талантов: прекрасный инженер, тонкий музыкант и музыковед, написавший книги о Григе, Прокофьеве и Файере, бард, сочинивший много прекрасных песен, поэт, опубликовавший несколько сборников стихов, и, конечно, выдающийся писатель. Он также прекрасно разбирался в живописи и написал несколько книг о Чюрленисе...

Известно, что Феликс играл на скрипке, но немногие помнят удивительный факт – он сам изготовил себе скрипку, прочитав книги о знаменитых скрипичных мастерах и об их секретах в изготовлении инструментов. Феликс и дня не мог прожить без музыки. Он прекрасно знал не только классиков, но и современных композиторов, особенно Альфреда Шнитке, с которым дружил. Феликс также обожал романсы и хорошо пел их своим красивым баритоном. Он записал на пленку много сочиненных им песен, легко запоминающихся и нередко цитируемых его друзьями. Я обязательно беру в любое путешествие его диск, но слушаю его, только когда за рулем сидит кто-нибудь другой – боюсь, что слезы будут застилать глаза...

В последние годы – а умер он очень рано, долгое время страдал от лимфомы – Феликс писал многотомную «Энциклопедию Советской цивилизации» о реалиях ушедшей советской жизни, включавшую словарь советских терминов, статьи о культуре, идеологии холодной войны и многое другое. Главы печатались в "Новом русском слове"... Феликс закончил эту работу, но просрочил представление рукописи в издательство, и американское издательство, почему-то воспользовавшись такой формальностью, отменило договор. К сожалению, Татьяна, жена Феликса, не сумела завершить издание этого уникального труда. Она умерла несколько лет назад. Сейчас этот труд был бы очень актуальным.»

Раиса Сильвер знала Феликса и его семью еще по Москве 60-х годов – во времена действия будущего романа «Некто Финкельмайер» и за десять лет до его написания. Она вспоминает:

«Я познакомилась с Феликсом в начале 60-х в московском литобъединении «Знамя строителей». Это был замечательный клуб, где собирались интеллигентные ребята, а руководил нами известный поэт Эдмунд Иодковский. Потом из клуба вышло немало известных писателей и поэтов, но тогда выделялись несколько человек, аристократия – среди них, конечно, Розинер. Феликс был приятным, немножко насмешливым и весьма ироничным в разговоре молодым человеком лет двадцати пяти. Как-то мы вышли из клуба вместе – неожиданно выяснилось, что живем мы буквально в соседних домах на далекой окраине Москвы в поселке ЗИЛ (это теперь район вблизи станции метро «Каховская»). В этом рабочем поселке наши семьи были едва ли не единственными евреями. Поселок тогда застраивался унылыми пятиэтажками, «хрущевками». В одной из них, в двухкомнатной квартирке жил Феликс с женой Людмилой и маленьким сыном Володей. Феликс и Людмила окончили Московский полиграфический институт и работали инженерами. Жили они скромно, пожалуй, даже скудно, как и все инженеры тех времен – нищенская зарплата, шестидневная рабочая неделя, поездки на работу в переполненных трамваях и автобусах, домашние заботы... Я бывала у них, иногда мы вместе справляли праздники, дни рождения. Припоминаю, что Феликс любил и хорошо знал музыку, неплохо играл на скрипке – позднее он оставил инженерную работу и переквалифицировался в музыкального критика. В доме Феликса собирались интересные люди – вероятно, это был прообраз Прибежища, описанного в «Финкельмайере». Наверное, некоторые из частых посетителей дома Розинеров послужили прообразом персонажей будущего романа. Например, среди друзей Феликса был Борис Николаевич Симолин – русский интеллигент с аристократическими манерами, эрудит, преподававший в ГИТИСе и широко известный в актерских кругах. Нельзя не заметить его черт в Леопольде Михайловиче – друге Финкельмайера и лидере кружка московских диссидентов из романа Розинера... Феликс был легок на подъем, любил путешествовать, узнавать что-то новое... Я общалась с Феликсом в

Москве вплоть до его ухода из семьи и переезда ко второй жене – Татьяне. С Людмилой мы потом встречались в Израиле, но это, как говорят, уже совсем другая история...»

Раиса Сильвер так же, как и Азарий Мессерер, подчеркивает необыкновенную, многоплановую одаренность Феликса Розинера. Она, вместе с тем, припоминает его внутреннюю замкнутость, которая при внешней доброжелательной общительности создавала ощущение нераскрываемой тайны. Раиса считает, что некоторые черты личности Арона Финкельмайера являются производными от этой тайны автора.

Лариса Миллер познакомилась с Феликсом Розинером, как и Раиса Сильвер, в литобъединении при многотиражке «Знамя Строителя», которое собиралось на Сретенке в Даевом переулке:

«Однажды на литобъединении появился ироничный, остроумный и доброжелательный молодой человек. Он всегда впопад и совершенно беззлобно комментировал происходящее, а когда смеялся, снимал очки и вытирал слезы. “Можно мне показать Вам мои стихи?” – спросила я, подойдя к нему впервые. “Да, конечно, – с готовностью отозвался он, – Приезжайте в воскресенье.” “А можно приехать с мужем?” Молодой человек засмеялся: “Приезжайте с кем хотите.” Так началась моя дружба с Феликсом Розинером, поэтом, прозаиком, музыковедом. Тогда в 64-м он работал инженером в Акустическом институте и писал стихи. Его манера была совершенно иной, чем у меня. Менее традиционной, более необычной или, как принято говорить, новаторской. Феликс обладал замечательным свойством внимательно и заинтересованно слушать чужие стихи, думать над ними, говорить о них. Благодаря ему, я перестала слишком уплотнять строку, в стихах появился воздух. Феликс читал все, что я писала. Лишь одобренные им строки получали право считаться стихами. Он являлся как бы моим ОТК. “Казнит или милует?” – гадала я, оправляясь к нему с очередной порцией стихов. И если “миловал”, летела домой на крыльях, а если “казнил”, то еле ползла. Так и жила, раскачиваясь на гигантских качелях “между жизнью лучшей самой и совсем невыносимой”.»

Людмила Левит, первая жена писателя, живущая ныне в Реховоте в Израиле, рассказывает о временах вызревания и создания романа «Некто Финкельмайер»:

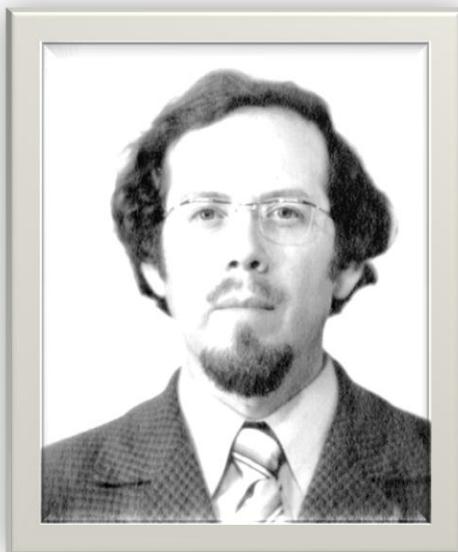
«Почти все 60-е годы – с 1962-го, когда родился Володя, и до 1969-го, когда мы с Феликсом расстались, – мы жили на окраине Москвы, которая тогда называлась “поселок ЗИЛ”.

К этому времени относится основное действие романа, но тогда его замысла еще не было, хотя, наверное, в голове Феликса накапливался нужный материал, ведь у нас в квартире часто собирались очень интересные люди – наши друзья. Думаю, однако, что прообразом Прибежища являются, скорее, не сборища у нас дома, а регулярные встречи молодых еще не печатавшихся поэтов у Бориса Николаевича Симолина на Арбате. Борис Николаевич был искусствоведом, преподавал не только в ГИТИСе, но и в театральных училищах – Щукинском и МХАТа. Он оказал на Феликса очень сильное влияние, а герой романа Леопольд Михайлович – точный портрет Бориса Николаевича. Где-то в 1973-74 годах мне довелось быть кем-то вроде издательского корректора романа «Некто Финкельмайер»: Феликс передавал мне машинописную рукопись, а я со всем тщанием выискивала описки, знаки препинания и т.п.

Мы с Феликсом всегда, и в Москве после его ухода, и здесь в Израиле, поддерживали добрые, дружеские отношения, сохранившиеся после того, как ушли другие, и мы старались, чтобы у сына всегда оставались и мать, и отец.»

Людмила не согласна с характеристикой Феликса, как замкнутого человека. Напротив, она вспоминает, что он был достаточно открытым и общительным – *«у него было очень много друзей, он не был замкнуто-самодостаточным, а, наоборот, очень нуждался в постоянном общении с людьми».*

Илан (Владимир) Розинер, сын писателя, служил офицером в Армии обороны Израиля, а ныне живет в Тель-Авиве и работает научным сотрудником Бар-Иланского университета в области социальной психологии. Сведения о жизни Феликса Розинера в Израиле я почерпнул, в основном, из его рассказов. Феликс работал в Израиле главным редактором русскоязычного издательства религиозной литературы, сочинял и издавал стихи и рассказы, вместе с сыном подготовил и опубликовал Иврит-русский разговорник. Там же он написал одну из знаковых работ – художественно-документальное исследование о семи поколениях своей семьи под названием «Серебряная цепочка».

Феликс Розинер во времена сочинения романа «Некто Финкельмайер»

Марина Хазанова позднее, уже в бостонский период, вспоминала: *«Почти все наши... разговоры с Феликсом сворачивают к «Серебряной цепочке»* – писатель присваивал этой работе и ее теме концептуальный статус. Феликс с женой жили в пригороде Тель-Авива, были материально обустроены – Татьяна работала в крупной фирме в области прикладной математики. Тем не менее, далеко не всё в Израиле нравилось Феликсу Розинеру, о чем определенно указывает в своих воспоминаниях Азарий Мессерер. Это, а еще более – отъезд Розинеров в США, породили такую точку зрения, что мол Розинер со своим масштабом просто «не вписался в израильскую жизнь». Вероятно, в этом есть доля истины, но Илан не вполне согласен с таким мнением:

«Отец воспринимал видные ему недостатки израильской действительности без всякого надрыва или трагизма. Он считал своей главной целью – уехать из СССР, избавиться от тирании, и поэтому искренне ценил, что Израиль дал ему такую возможность. Более того, он здесь был счастлив, обретя наконец-то свободу. Переезд отца в США был вызван совсем другими причинами, главная из них – это, конечно, болезнь, которая хотя и была остановлена в 1985 году, но могла проявить себя снова в любой момент. Врачи рекомендовали ему сменить климат и пройти в Америке курс профилактики, которого тогда еще не было в Израиле. Конечно, обещанная работа в Гарварде тоже сыграла роль...»

Размышления Илана Розинера подкрепляются сохранившимися свидетельствами активной поддержки Феликсом Розинером репатриации советских евреев в Израиль. Азарий Мессерер вспоминает:

«В Москве конца 70-х годов среди евреев прошел слух о "железном Феликсе". Дело в том, что Феликс Розинер из Израиля помогал очень многим. По моим просьбам он прислал добрый десяток вызовов. Когда ко мне приходили люди, решившие эмигрировать, я, записывая их данные, обычно говорил: "Не беспокойтесь, Вами займется мой друг Феликс, которого мы называем "железным", потому что он никогда не подводит". В самом деле, Феликс был человеком в высшей степени надежным. К тому же он считал для себя честью помогать людям, оказавшимся в тяжелом положении, в частности, отказникам. Несколько моих приятелей в Америке и в Израиле обязаны ему своей благополучной эмиграцией. Примечательно, что все они устроились работать по специальности. "Вам повезло еще и потому, что у Феликса легкая рука" – говорил я им, узнав об очередной удаче».

Последние годы жизни писателя в Бостоне омрачались рецидивами тяжелой болезни, но до последнего момента он не позволял болезни подавлять свое непреклонное творческое движение – только вперед и выше.

Лиза Шукель (Синофф), близкий друг и соседка Феликса Розинера по двухсемейному дому в бостонском пригороде Ньютоне, рассказывает, что в Бостоне Феликс одно время читал лекции по русской культуре на Русском отделении Бостонского университета. Он также сотрудничал с Русским отделением Гарвардского университета, где его очень ценили, но он не стремился стать штатным сотрудником и никогда им не был. Феликс отличался, по ее воспоминаниям, аккуратностью и даже педантичностью во всем, что касалось его литературной работы – незадолго до смерти он тщательно упаковал свои материалы и их электронные копии в картонные коробки с намерением сдать их в архив Русского отделения Массачусетского университета в городе Амхерст³. Я спросил у Лизы, тесно общавшейся с Феликсом в последние 11 лет его жизни, был ли он похож на своего героя Арона Финкельмайера? Она ответила с удивительной проникновенностью:

«Нет, он скорее походил на Леонида Никольского по своему характеру и отношению к жизни. Как и Никольский, Феликс был большим жизнелюбом с эдакой хулиганской жилкой, он не боялся нарушать правила, если они мешали ему. С другой стороны, по взглядам на искусство, по представлениям о связи автора со своим творением, он приближался к Финкельмайеру и, особенно, – к философии наставника Финкельмайера Леопольда Михайловича. Так что, можно сказать, Феликс был личностью, сочетавшей в себе и Никольского и Финкельмайера....

Вообще же, он был человеком необыкновенным... В нем удивительным образом совмещались общительность и застенчивость, в компаниях он отнюдь не старался выделиться, но, тем не менее, притягивал к себе общее внимание. Его интерес ко всему в жизни был непомерным. Уже тяжело больным, Феликс поехал со мной в путешествие по Испании – перед смертью он хотел увидеть все... Он говорил мне: «Я не боюсь смерти, я был в Москве – теперь меня там нет, я был в Израиле – теперь меня там тоже нет, я был в Бостоне – меня и там не будет...»

Марина Хазанова вспоминает, что с первой же встречи в Бостоне на домашнем литературном семинаре *«Феликс привлек сразу всем: мягкой манерой держаться, милой улыбкой, интеллигентным чтением»*. Марина написала трогательно теплый очерк о встречах с

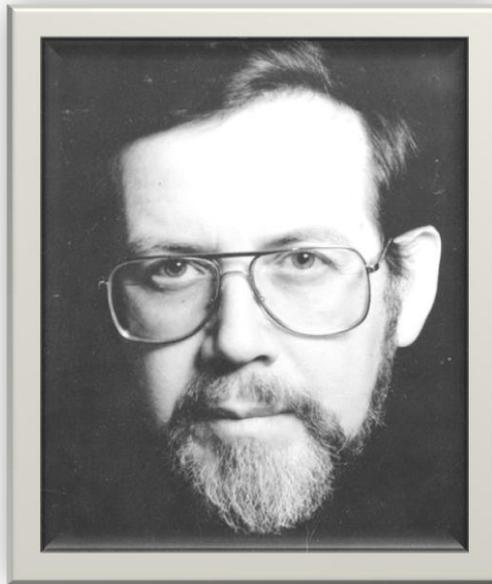
³ Илан Розинер подтвердил, что материалы Феликса Розинера хранятся в упомянутом архиве, их профессионально обработал штат архива во главе с проф. Стэнли Рабиновичем, хорошо знавшим писателя. Полный перечень материалов можно найти на Интернетe (см. Список литературы).

Феликсом. Вот пронзительные строки из этого очерка, посвященные последним творческим усилиям смертельно больного писателя:

«В середине лета 96-го Феликс попросил меня организовать в Бостонском университете литературно-музыкальный вечер, посвященный его шестидесятилетию. Я не спрашивала ничего, только подумала: “Господи!... Опять поэт будет говорить нам свое последнее прости”. Я сказала: “Да”, повесила трубку и заплакала. Другой раз мы говорили о сроках. Я думала о ноябре-декабре, Феликс спокойно возразил: “Будет поздно. Надо пораньше”. Всю программу вечера Феликс подготовил сам... попросил меня вести вечер, строго предупредив: «Никаких славословий в мой адрес...»

Марина внезапно прерывает свой рассказ о последних месяцах жизни Феликса, словно не в состоянии сдержать свои эмоции:

«У Феликса получалось в жизни всё, что он задумал. Его любили читатели, любили женщины, любили старики. Каждый за свое, но чаще всего все за одно и то же: за талант, за деликатность».

Феликс Розинер в 1990-е годы

Писатель скончался примерно через полгода после своего юбилейного вечера в Бостонском университете. Была весна 1997 года, жена Феликса Татьяна и его сын Илан неотлучно находились с ним в одной из бостонских больниц вплоть до конца... Илан вспоминает:

«Отец чувствовал себя плохо, был очень слаб, но и за несколько дней до смерти, зная, что они – последние, не терял самообладания и присущего ему ироничного и в то же время доброго отношения к происходящему. В эти дни он продолжал работать на своем ноутбуке. Двенадцать лет он жил под знаком конкретной возможности быстрой смерти (рак возвращался семь раз), но никак не давал этому определять свою жизнь до последнего момента.»

Феликс Розинер похоронен на старинном кладбище Mount Auburn в Кэмбридже в роскошном парке, на высоком холме, с которого открывается вид на озеро. На этом же кладбище среди многих знаменитых американцев похоронен великий поэт Генри Лонгфелло...

EXCELSIOR

Вот такой удивительный, людскому воображению недоступный виток истории мировой литературы: американский поэт Генри Вудсворт Лонгфелло английского происхождения – прямой потомок пилигримов, прибывших в эти края на паруснике «Мэйфлауэр», и русский писатель Феликс Яковлевич Розинер еврейского происхождения – прямой потомок знаменитого средневекового раввинского рода из итальянской Падуи, закончили свою земную жизнь здесь, на кладбище в Кэмбридже... Два человека – такие непохожие, две судьбы – такие разные, два гения – как всегда уникальные и неповторимые, но одинаково непостижимые для окружающего мира. Оба они шли «навстречу туманному будущему без страха, с мужественным сердцем», а когда пришел час каждого,

Рука сжимала стяг, застыв,
И тот же был на нем призыв:
Excelsior!

Другой не менее удивительный виток во времени и пространстве нарисовала то ли слепая историческая судьба, то ли рука самого Провидения – это путь Феликса Розинера от предков к потомкам.

Азарий Мессерер рассказал потрясающую, окутанную легендами, историю предков семьи Розинеров, достойную шекспировских драм. Эта история основана на изысканиях Азария, а также на кропотливом исследовании исторических документов и семейных архивов, выполненном сыном Феликса Розинера Иланом. Я привожу здесь лишь ее краткую хроникальную канву с некоторыми моими собственными добавлениями.

Сын писателя Илан Розинер

Вглядываясь в бездонный колодезь прошлого еврейского народа, можно предположить, что далекие предки Розинера были изгнаны со своей родины еще римлянами, разрушившими Иерусалимский Храм. С одной из волн еврейской эмиграции из Палестины они двинулись в страны северного Средиземноморья, оседая по дороге в Италии, на юге Франции и в германских землях. В раннем средневековье предки Розинеров оказались в немецком городе Katzenelnbogen в прирейнской области вблизи Майнца, где располагалась значительная ашкеназийская община; отсюда и пошла первая родовая фамилия их предков – Каценелинбойген. Согласно «Еврейской энциклопедии» Брокгауза и Ефрона, король Людовик Баварский разрешил евреям селиться в Каценелинбогене в 1330 году. По-видимому, евреи недолго наслаждались здесь германским гостеприимством – разразившиеся вскоре жесточайшие преследования, связанные отчасти с эпидемией чумы в Европе, вынудили их мигрировать на восток и юг.

В конце XV века мы застаем первого носителя фамилии Каценелинбойген в итальянской Падуе – им был Меир бен Ицхак Каценелинбойген (1482-1562), знаменитый талмудист, главный раввин и руководитель ешивы этого города и по совместительству раввин Венеции, вошедший в историю под именем Меир из Падуи. Меир был женат на дочери другого известного талмудиста и философа Иегуды Минца, тоже эмигрировавшего из Германии. Сын Меира и дочери Иегуды стал наследником раввинской должности в Падуе – его звали Самуэль Каценелинбойген. Самуэль был уважаемым в Италии раввином и меценатом, которого среди прочих знаменитостей посещал литовский князь Николай Радзивилл. Впоследствии Радзивилл сделал своим советником сына рабби Самуэля — Саула Каценелинбойгена, учившегося в Брест-Литовском университете.

Саул Каценелинбойген, вошедший в историю под именем Саул (Шауль) Валь (1541-1617), был крупным общественным деятелем Речи Посполитой и даже кратковременно исполнял обязанности польского короля – о нем в «Еврейской Энциклопедии» имеется большая, почти двустраничная статья. В статье, между прочим, упомянуты многочисленные потомки Саула Валя и его тринадцати детей, носивших фамилию Каценелинбойген; среди потомков Саула были знаменитые раввины Польши, Литвы, Германии и Англии, а также, судя по всему, и такие известные личности как Генрих Гейне и Карл Маркс. Потомки Саула Валя имеют прямое отношение к родословной семьи Розинеров: Илан Розинер доказал, что его далеким предком из XVI века является дочь Саула Валя – Хенеле Каценелинбойген, вышедшая замуж за Эфраима Шура, сына раввина Шломо Элиезера Шура, бывшего главой знаменитой Брест-Литовской ешивы.

Со времен Эфраима и Хенеле карета предков семьи Розинеров покатила по ухабам истории восточно-европейского еврейства. Через полтора столетия после смерти их знаменитого предка Саула Валя когда-то могущественная Речь Посполитая была уничтожена, и вследствие трех разделов Польши предки Розинеров стали подданными Российской империи – жителями черты еврейской оседлости. В феврале 1917-го года они были уравниены в правах со всеми другими народами России, а после октября 1917-го стали гражданами СССР, столь же бесправными, как и все другие народы советской империи. В книге «Серебряная цепочка» Феликс Розинер рассказывает о нескольких поколениях своей семьи, от раввинов до коммунистов, прошедших все мыслимые и немыслимые испытания: отъезд в Палестину и возвращение в СССР, аресты, антисемитизм, антисионизм, несвобода, и как финал – возвращение на Родину своих предков в Израиль, где ныне живут сын, внук и внучка писателя.

Вот такова эта удивительная семейная Одиссея – невероятный спиралевидный виток истории, странствие одной семьи в координатах времени и пространства, покинувшей Иерусалим более двух тысяч лет тому назад и вернувшейся к нему по гигантской криволинейной дуге на пространствах двух земных континентов.

Свойство гениальности не удалось ни проанализировать, ни, тем более, объяснить даже совместными усилиями социологии, психологии, эволюционной биологии, генетики, информатики и прочих наук... Уже давно понято, что гениальность – это не просто дальнейшее развитие талантливости, одаренности. Напротив, как мы уже упоминали, гений и талант, в определенном смысле, есть вещи несовместные и даже противоположные. Сталкиваясь в нашей обыденной жизни с гениальностью, мы подчас, не замечаем ее, в отличие от таланта, который тотчас виден невооруженным глазом. Общаясь повседневно с гениальным человеком, мы совершенно естественно оцениваем его нашими собственными мерками, сопоставляем черты его характера и поведения, его достижения и даже его бытовые слабости с понятными нам житейскими планками, даем обобщающие оценки по известным нам критериям, но... мы не в состоянии проникнуть за черту, отделяющую гения от остального мира...

Мне не хотелось бы говорить о Феликсе Розинере с чрезмерным пафосом – похоже, он не любил славословий в свой адрес и, вероятно, с присущей ему иронией отнесся бы к оценкам, которые я собираюсь дать. И тем не менее, размышляя о нем и герое его романа Ароне Финкельмайере, нельзя не заметить, что здесь имеет место особый случай, когда автор, принадлежащий к тем, кому история присваивает редкое звание гений, создал литературный образ гения. Мне поначалу представлялось, что..., или даже, пожалуй, хотелось, чтобы... автор вложил в образ своего героя собственные земные черты, высветив тем самым и связь между творцом и творением, и таинственную сущность гениальности. Увы, этого не произошло, потому что общность черт или даже слияние автора и его главного героя имеет место за доступной нам чертой, за чертой, отделяющей даже очень талантливое произведение от высшего и непостижимого творческого проявления, вызывающего ощущение чуда...

Среди произведений художественной прозы XX века, посвященных судьбе интеллигенции в тоталитарном обществе, очень немногие дотягивают до уровня романа «Некто Финкельмайер». Это мое личное мнение входит в противоречие с тем фактом, что роман, на самом деле, мало известен «широкой читательской аудитории» и в России и на Западе – он никогда не был бестселлером подобно, например, роману Артура Кёстлера «Слепящая тьма». Впрочем, ссылка на «широкую читательскую аудиторию» вряд ли доказательна – такого уровня литература всегда была уделом достаточно узкого круга читателей во всех странах, а «широкий круг», как правило, узнавал о подобной литературе из кинофильмов. Почему роман «Некто Финкельмайер» – готовый блестящий сценарий психологической драмы-триллера – не экранизировали, пусть объясняют профессиональные искусствоведы и кинокритики.

Что касается Запада, то его вялую реакцию подчас объясняют сравнительно благополучной судьбой автора – вот, мол, если бы Феликса Розинера самого посадили, как Иосифа Бродского, или затравили насмерть, как Бориса Пастернака, или расстреляли, как Исаака Бабеля, или хотя бы выслали из страны, как Александра Солженицына, вот тогда бы... Что же, возможно, и такое объяснение имеет право на жизнь, хотя, оно отнюдь не украшает западных интеллектуалов.

В России роман напечатали через 15 лет после его написания, и то только потому, что тоталитарный режим рухнул, а затем... постарались побыстрее его забыть и, по мере возможности, не вспоминать, в чем, конечно, нет ничего удивительного, учитывая двухвековую российскую традицию вымарывания всего лучшего из своей собственной литературы. Комедия «Горе от ума» Грибоедова была опубликована в России в полном объеме и без купюр, кажется, через 40 лет после написания, роман «Мастер и Маргарита» Булгакова напечатан с купюрами через 32 года, повесть «Котлован» Платонова – через 57 лет, роман-антиутопия «Мы» Замятина – через 68 лет, роман «Жизнь и судьба» Гроссмана – через 27 лет... Так что 15 лет романа

«Некто Финкельмайер» – это смешной срок для русской литературы, тем более, что его автор, в отличие от перечисленных выше классиков русской литературы, к счастью, дожил до публикации своего произведения! Другое дело – упорное замалчивание романа в российском литературоведении, преднамеренное, на мой взгляд, отторжение этого выдающегося произведения.

Некто Розинер, как и «Некто Финкельмайер», не занял еще своего заслуженно высокого места в русской классической литературе. Среди причин этого есть и такие, что лежат на поверхности, и я даже не хочу утомлять умудренного опытом читателя пересказыванием известных банальностей о литературной судьбе подобных личностей в советском и российском литературном пространстве, однако, со всей возможной мягкостью и политкорректностью намекну – в России и власть имущие, и их околотературная обслуга не очень любят персонажей с подобными фамилиями, а насильно мил не будешь!

Есть, тем не менее, и в России, и на Западе, немало самостоятельно мыслящих интеллигентов, интеллектуалов высочайшего калибра, людей, «душевно готовых к достойной жизни, жизни разума и сердца». К ним и обращены наши размышления о писателе Феликсе Розинере, к тем, для кого он создавал свой выдающийся роман, к тем, кому понятно и близко жизненное кредо писателя – быть в постоянном поиске, идти непреклонно вперед, всегда только выше и выше – Excelsior!

**Феликс Розинер,
Феликс Розинер,
Felix Roziner,
Феликс Розинер,**

«Некто Финкельмайер», Overseas Publications Interchange, London, 1981.
«Некто Финкельмайер», изд-во «Терра», Москва, 1990.
“A Certain Finkelmeyer”, Translated from Russian by Michael H. Heim, 1995.
Избранное: роман «Ахилл бегущий», повести «Лиловый дым», «Адамов ноготь», «Медведь Великий» и рассказы, изд-во «Терра», Москва, 1996.
«Искусство Чюрлениса», Изд-во «Терра», Москва, 1993.
«Весенние мужские игры – повести и рассказы», изд-во «Hermitage», USA, 1984.
«Серебряная цепочка: семь поколений одной семьи», «Алия», Иерусалим, 1983.
«Токката Жизни: Сергей Прокофьев», «Молодая гвардия», Москва, 1978.
«Сага об Эдварде Григе», «Молодая гвардия», Москва, 1972.
«Архив писем и рукописей Феликса Розинера – Collection of the Felix Roziner Papers, 1960s-1990s», Amherst Center for Russian Culture, Amherst, MA, USA:
<https://www.amherst.edu/system/files/media/1942/Roziner%252520Finding%252520aid.pdf>
« Булат Окуджава», «Молодая гвардия, серия ЖЗЛ», Москва, 2009.
«Король на день и его потомки», журнал «Чайка», июль 2013.
"Путевые заметки" - http://magazines.russ.ru:81/novyi_mi/redkol/miller/miller/mille063.html
"Домашний адрес", в книге "Стихи и проза", изд-во «Терра», 1992.
«Дневник», изд-во Рипол Классик, 2009.
«По дороге в XXI век», изд-во “M-Graphics”, Boston, 2012.
«Правдивые истории с вымышленными именами», Нью-Йорк–Иерусалим, 1987.
«Ношу в себе я радость», Mir Collection, New York, 2014.
«Его божеством было Слово», журнал «Время и место», № 2, 2014.
«Феликс Розинер», в книге «Бостон – город и люди», “M-Graphics”, Boston, 2012.
«Проблемы пятого пункта», в книге «Бостон – город и люди», Boston, 2012.
«Еврейская Энциклопедия», тома V, IX, Санкт-Петербург, 1906-1913.
“The Axis of World History”, Xlibris Corp., Philadelphia, USA, 2008.
“The Trial of Joseph Brodsky”, Translated from Russian by Michael R. Katz, New England Review (NER), Vol. 34, ## 3-4, 2014.

**Дмитрий Быков,
Азарий Мессерер,
Лариса Миллер,
Лариса Миллер,
Юрий Нагибин,
Юрий Окунев,
Раиса Сильвер,
Раиса Сильвер,
Юрий Солодкин,
Марина Хазанова,
Людмила Штерн,
Брокгауз и Ефрон
Yuri Okunev,
Frida Vigdorova,**

Май 2014, Лонг-Айленд, Нью-Йорк